
Снегу навалило по колено — я даже не ожидала, что такое может произойти всего за одну ночь! Зима на дворе, середина декабря, но все уже давно устали ждать снегопада. Дошло до того, что президенту на пресс-конференции задали вопрос: «Когда, наконец, выпадет снег?» И вот, как будто и это тоже зависело от политики правительства — как по заказу! Гуляя утром с Кусей и загребая снег штанами, я, наверное, радовалась не меньше нее. Собака носилась как оголтелая, ныряя в сугробы с головой и выпрыгивая на поверхность в белой «маске», яростно отфыркиваясь и встряхиваясь, словно после купания. Со стороны, вероятно, зрелище довольно устрашающее. Дело в том, что Кусю на самом деле зовут Кассандра дель Рио и принадлежит она к породе черных терьеров. Размеры? Представьте себе молодого медведя, мохнатого, с тяжелыми лапами и огромной головой! Зато ни я, ни мой семнадцатилетний сын Данька, который с недавних пор предпочитает, чтобы все величали его не иначе как Дэнном, не испытываем ни тени страха, прогуливаясь по темному парку рядом с домом: вряд ли найдется грабитель или хулиган настолько смелый, чтобы рискнуть подойти к нам в присутствии Куси. Да ведь он и предположить не может, что добрее этой собаки не сыскать, а проверять на собственном опыте вряд ли захочет...

Погода немного подняла мне настроение, которое в последнее время так себе. С тех пор как умер заведую-

ший отделением ортопедии и травматологии в больнице, где я работаю, врачей трясло, как в лихорадке. Не то чтобы дела шли плохо, но состояние постоянной неуверенности в завтрашнем дне начинало утомлять. Дело в том, что, с одной стороны, Роберт Караев, исполняющий обязанности завотделением и по совместительству являющийся моим любовником вот уже больше двух лет, совершенно уверен, что его «и.о.» непременно перерастет в утверждение на место покойного Сергея Гурьевича Ивахина. Что ж, Роберт хороший хирург, даже, можно сказать, отличный, только, похоже, главный врач больницы имеет на этот счет свое мнение. Вполне вероятно, что у него есть свой ставленник на вакантную должность, и Роберт, понимая это, нервничает. Его нервозность передается всем нам — тем, кто с ним работает (и кто с ним спит, между прочим!). А таких как минимум двое — я и его жена Валя. Хотя в последнее время мне стало казаться, что нашего полку прибыло: операционная сестра Людочка Портнова, довольно хорошенькая, все чаще ведет себя со мной нагло, а еще я несколько раз видела, как она выходила из временно занимаемого Робертом кабинета заведующего отделением с победоносной улыбкой на лице. Мы с Людой друг друга не выносим — и не я инициатор таких отношений. Она пришла на отделение примерно четыре года назад, и с самого начала наше общение не заладилось...

Слава богу, я приписана к отделению анестезиологии и реанимации, а потому проблемы, связанные с назначением нового зава травматологии, касаются меня лишь постольку-поскольку. Тем не менее я довольно часто работаю с ортопедами и в какой-то степени ощущаю собственную причастность ко всем событиям в отделении. И не могу не думать о том, какой нелепой

и трагической была смерть Сергея Гурьевича. Это надо же — инфаркт хватил его прямо на рабочем месте, в собственном кабинете. Кажется, при этом присутствовал Роберт — во всяком случае, именно он поднял тревогу и пытался оказать первую помощь, однако Ивахин скончался, не дождавшись реаниматологов. На самом деле этого следовало ожидать, ведь у него уже был один тяжелый инфаркт, после которого зав оправлялся больше года.

Ивахина в отделении любили. Не то чтобы при нем все процветало — скорее даже наоборот, но Сергей Гурьевич умел жить в ладу с коллективом. Люди сквозь пальцы глядели на то, что старый зав здорово запустил положение дел — во-первых, из уважения к его докторской степени и прочим регалиям, коих было множество, а во-вторых, по причине его уживчивого характера и нежного отношения к подчиненным.

В сущности, что нужно работнику от начальства? Высокая зарплата? У большинства врачей она строго фиксирована, так что не забалуешь. Комфортные условия? Практика показывает, что русский человек приспосабливается к любым условиям, как плесень и тараканы. Главное — чтобы не мешали работать. Сергей Гурьевич Ивахин полностью соответствовал этому требованию: он не путался под ногами, и дела шли как будто сами собой, ни шатко ни валко.

А теперь, после его смерти, народ затаил дыхание и ждал, кто же придет на его место. От этого зависело, изменится ли что-нибудь в жизни персонала или все останется, как было. На самом деле почти все, я думаю, боятся прихода «новой метлы» и предпочли бы руководство Роберта. Не скажу, что он, под стать Сергею Гурьевичу, человек мягкий и приятный, но, во всяком случае, за то время, что он исполнял обязанности зава,

все шло, как обычно. Возможно, Роберт более жесток в обращении с людьми, но он, по крайней мере, был «своей метлой».

Так вот, шла я себе, наслаждаясь падающими белыми хлопьями, задрав голову кверху и совершенно забыв о том, что беспечность и утрата бдительности чреваты последствиями — и, как правило, малоприятными. Нога моя заскользила по льду, сверху конспиративно прикрытому воздушным слоем снега, и я, как стог сена, укутанная в теплую шубу и ограниченная в свободе движений, необходимой для маневра, повалилась на дорожку. В голове у меня промелькнула всего одна мысль: шла на операцию, а теперь, того и гляди, сама окажусь на больничной койке с переломом чего-нибудь — благо отделение ортопедии и травматологии в любом случае являлось местом моего назначения на сегодня!

Особой боли при падении я, как ни странно, не ощутила. А затем две сильные руки подхватили меня под мышки и поставили на ноги.

— Не ушиблись?

Я подняла глаза. Зубы. Два ряда почти безупречно ровных, белых зубов — вот что было первым из увиденного мной. Вернее, первым, что я *заметила*.

— Н-нет, кажется.

— Уверены?

Остальное, между прочим, тоже ничего себе: здоровая кожа, крупный прямой нос, большой рот, русые, немного взлохмаченные волосы и серо-зеленые в крапинку глаза.

— Кажется, да, — ответила я.

— Когда уверены, ничего *казаться* не должно, — трезво заметил незнакомец. — Ничего не вывихнули, не сломали? На ногу встать можете?

Я осторожно опустила ногу на снег и перенесла на нее вес. Ощущения опасений не вызывали. Видимо, мужчина тоже это понял.

— Ну, идите осторожнее, — посоветовал он напоследок. — А вообще-то непорядок тут: надо дорожки хотя бы песком посыпать, что ли...

Глядя ему в спину, я подумала, что мне уже чертовски давно никто не нравился вот так — с первого взгляда, будто в ранней юности. Хотя, пожалуй, в том возрасте нравятся все подряд — прерогатива молодости. С годами я стала невероятно разборчивой. Вот и мама постоянно говорит: «Выбираешь все, выбираешь, нос воротишь, а годы-то, между прочим, уходят! Этот — нехорош, тот — тоже не слава богу, какого же рожна тебе, дочь, подавай? Довыбиралась со своим Славкой, да? Вот уж чудо в перьях, счастье невероятное! И далеко ты с ним ушла? Вместе жили — покоя не знала, а теперь вообще отвалил в неизвестном направлении — ищи его свищи!»

Эх, мамуля, ты ведь и половины не знаешь... А мужик тот ничего, классный. И одет так, как мне нравится, — не в куртку и кепку, а в длинное коричневое пальто... Однако надо пошевелиться, а то недолго и на работу опоздать. Перед операцией мне требуется по крайней мере час, чтобы прийти в себя после поездки на общественном транспорте, переодеться, выпить кофе и настроиться. По натуре я человек медлительный, решения принимаю подолгу, все люблю делать тщательно. Это всегда раздражало моего бывшего. Ну и бог с ним.

На проходной меня, как всегда, поприветствовал охранник Степаныч. Когда называешь кого-то Степанычем, кажется, что речь идет о человеке старом или по меньшей мере пожилom. Нашему Степанычу едва

стукнуло сорок пять, и выглядит он, как бравый поручик Ржевский из анекдотов. И не только выглядит — ведет себя совершенно в соответствии с этим образом. Сколько раз Степаныч ко мне подкатывался — сказать не могу, со счета сбилась, но он попыток не оставляет. Наши отношения можно называть постоянным флиртом — он никогда не отпускает меня, не одарив комплиментом и не попросив в очередной раз о свидании. К его чести надо сказать, что все особы женского пола без исключения удостаиваются его пристального внимания, если, конечно, они еще не вышли на пенсию.

— Агния, красавица наша пришла! — радостно протрубил он, разводя руками, словно и не ожидал увидеть меня.

— Да брось ты, Степаныч, — отмахнулась я, хотя в глубине души мне всегда приятны его слова. — Вот, шлепнулась на ровном месте, шапка съехала, шуба перекосилась, а ты все туда же!

— Упали? — озабоченно переспросил он. — Сильно ударились?

— Да нет, не сильно, — успокоила я. — Но красота помялась.

— Есть красота, которая никогда не увянет, — высокопарно заявил охранник. — Когда в ресторан ходим, Агния Кирилловна?

— Когда женустроишь за хорошего человека — тогда и поговорим.

— Так это ж когда будет!

— Значит, подождем, Степаныч, — усмехнулась я и двинулась по коридору к лифту.

Почему-то именно сегодня мне вспомнился первый раз, когда я вошла сюда через служебный вход. Было это тринадцать лет назад, и нас, шесть человек моло-

дых ординаторов, направили именно в эту больницу. Я тогда и думать не могла, что задержусь здесь на такой долгий срок! Эти коридоры пугали меня, потому что казались бесконечными, темными тоннелями, из которых нет выхода. Первые две недели я постоянно терялась. Блуждая по коридорам, отчаянно вчитывалась в надписи на дверях и над головой, пытаюсь понять, где нахожусь. Мне стыдно было спрашивать дорогу у пробежавших мимо врачей, ведь на мне тоже красовался белый халат, а выглядеть зеленым новичком так не хотелось! Пациенты уже обращались ко мне «доктор» или по имени-отчеству, но я сама чувствовала себя так неуверенно, что порой хотелось сесть прямо посреди этого бесконечного коридора и разреваться, как в детстве.

Теперь мне знаком здесь каждый угол. Я могла бы с завязанными глазами пробежаться по всем этажам и безошибочно определить свое местоположение. Особенно хорошо я знаю подвальные помещения, где располагаются операционные, отделение анестезиологии и реанимации на первом этаже и ортопедии и травматологии — на четвертом. Туда-то я и поднялась на служебном лифте, прихватив по пути старушку с палкой, явно заплутавшую в коридорах и не нашедшую общественный лифт. Судя по палке — наш пациент.

— Вы в ортопедию? — поинтересовалась я.

— Да, — подтвердила она. — Мне уже раз пять объяснили, как дойти до лифта, но я нашла только этот, а он, оказывается, служебный...

— Поехали! — скомандовала я, пропуская бабульку вперед и нажимая на кнопку с цифрой «4».

Выйдя на своем этаже, я с удивлением отметила, что вокруг стоит полная тишина, этому отделению не свойственная. Обычно здесь всегда царит легкий ха-

ос — снуют врачи, переругиваются пациенты и нянечки, смеются медсестры. Сегодня климат явно отличался от обычного!

Проходя мимо большого зеркала, висевшего при входе в отделение, я притормозила. Что ж, могло быть и хуже — учитывая обстоятельства падения! Я сняла шапку и слегка пригладила волосы, с неудовольствием заметив один седой у самого виска. И как это я проглядела его, собираясь на работу? Я всегда гордилась своими волосами — длинными, гладкими и черными. В молодости я много экспериментировала с их длиной и цветом, обесцвечивая, завивая и придумывая другие пытки, стараясь сделать себя похожей на своих киношных кумиров. Годам к двадцати пяти я, наконец, сообразила, что *натуральной* блондинки из меня не получится, вернула естественный цвет и стала носить волосы распущенными, расчесывая их на прямой пробор. Мой бывший считал, что это чертовски сексуально. Может, так оно и было, только вот неудобств такая прическа доставляла массу. Достигнув тридцати с гаком и защитив диссертацию, я решила, что ходить распустехой несолидно, тем более что на работе все равно приходилось прятать гриву под шапочку. И я придумала себе новый стиль — вернее, «слизала» у ранней Мадонны: стала делать длинный хвост, туго стянутый на затылке. Во время операций я просто сворачивала из него пучок, закалывая шпильками. Кстати, я заметила, что таким образом прекрасно разглаживаются морщины на лбу, а глаза становятся зрительно больше!

Расстегивая на ходу шубу, я вошла в ординаторскую. Вообще-то положено оставлять одежду в гардеробе, вместе с простыми смертными, в смысле, с пациентами, но, хоть нас и пропускают без очереди, я предпочитаю раздеваться там, где на меня не глазают. Все

столы в ординаторской оказались заняты — кроме моего. У меня не было стола до тех пор, пока Роберт не решил, что, поскольку я часто присутствую здесь, мне не годится ютиться в углу и довольствоваться временно свободными местами других врачей. Он распорядился поставить в помещение еще один стол, отчего маленькая комнатка стала казаться еще меньше.

— О, Агния, привет! — поднял веселые глаза Гоша Савельев, один из ортопедов, с которыми у меня с самого начала установились дружеско-покровительственные отношения. В роли покровителя выступаю я, как старшая и выдержанная по характеру. Гоша спал и видел себя в роли прославленного хирурга и уже несколько лет безуспешно пытался получить лицензию на проведение сложнейших операций по замене тазобедренного и коленного суставов.

— Хочешь анекдот? — спросил Савельев.

По его виду было заметно, что мое мнение спрашивается только из вежливости.

— Господи, опять! — простонал Антон Федоренко, огромный, как платяной шкаф времен Марии-Антуанетты. — Хоть ее-то оставь в покое!

— Так вот, — словно не слыша, продолжал Гоша. — Приходит старик к ортопеду и говорит: «Доктор, у меня очень болит правая нога». Врач пожимает плечами. «Что вы хотите? Возраст...» Старик возражает: «Но ведь левой ноге столько же лет, а она не болит!»

И Гоша звонко расхохотался, хлопая себя по ляжкам. Чтобы его не расстраивать, я тоже посмеялась, хотя анекдот старый, я его много раз слышала, причем в гораздо лучшем исполнении. Антон только закатил глаза, показывая, как ему осточертел наш остряк.

— А что это в коридорах так тихо? — поинтересовалась я, присаживаясь и доставая косметичку, чтобы за-

няться, наконец, лицом. Я не люблю делать макияж перед выходом из дома, во-первых, потому что просто не успеваю, а во-вторых, знаю, что за время поездки вся «красота» может испариться.

— Так ты что, не в курсе?

— Не в курсе чего? — переспросила я, занервничав. Ненавижу сюрпризы!

— Ах да, тебя же не было в отделении пару дней, верно? — внезапно припомнил Антон. — У нас новый зав, прикинь!

— Уже два дня — и никто не соизволил мне сообщить? — сердито буркнула я.

— Да только вчера приказ пришел, перед концом рабочего дня, — начал оправдываться Антон. — Половина состава вообще сегодня узнала!

— Значит, Роберта обскакали? — пробормотала я.

— Ага! — почти радостно согласился Антон. Всем известно, что они с Караевым друг друга недолюбливают, и, наверное, в глубине души Федоренко аплодировал главному за то, что он обошел Роберта назначением. Больше всего, разумеется, мой любовник должен злиться из-за того, что уже давно убедил всех, что именно он и станет заведующим. Теперь ему придется выслушать немало острых замечаний — за время исполнения обязанностей зава он уже успел насолить немалому количеству людей.

— А я его уже видел! — сообщил Гоша.

— Заливай! — фыркнул Антон.

— А вот и видел! — возразил Гоша. — Мы поздоровались.

— А откуда ты узнал, что это — новый зав? — спросила я.

— Тут не надо быть детективом, — пожал плечами

Гоша. — Он спросил, где кабинет заведующего, а когда я показал, то открыл его своим ключом!

Антон скорчил забавную гримасу, но больше ничего не сказал: не верить Гоше не имело смысла.

— Ну и как он? — впервые подала голос Аня Смурякова, физиотерапевт. Как и я, она на ортопедии так называемый «приходящий специалист», и мы встречаемся довольно редко.

— Ну, мне трудно оценить, — усмехнулся Гоша. — Но тебе непременно понравится, — добавил он, видя, что Аня разочарована его ответом. — Высок, красив и так далее по списку.

Надо заметить, что сам Гоша едва дорос до ста шестидесяти сантиметров, как говорится, в холке, а потому очень ревниво относится к тем, кто выше его, особенно если этот кто-то — женщина. Это во многом объясняет его отношение ко мне — я-то возвышаюсь над ним на целую голову! Правда, несмотря на рост, Гоша пользуется невероятным успехом у противоположного пола, одному богу известно, почему: ведь ни особой красотой, ни явными талантами, привлекающими нас, женщин, парень явно не блещет. Что ж, остаются еще *скрытые* таланты...

— Ну, теперь начнется! — недовольно пробурчал Антон. — Новая метла по-новому метет!

— Старая метла тебе нравилась больше? — удивленно поднял брови Гоша, очевидно, имея в виду Роберта. — Кстати, где она, вернее, он? Я что-то его сегодня не видел.

Это и в самом деле казалось странным: Роберт всегда приходил на работу одним из первых, особенно с тех пор, как занял место покойного Ивахина.

— Устроил забастовку? — злорадно предположил Антон.

— Думаешь, вообще не появится? — встрепенулся Гоша, но Антон покачал головой, молча давая понять, что дальше заходить не следует. Действительно, хотя в беседе принимали участие всего четыре человека, в помещении находились еще несколько ординаторов, двое из которых работали непосредственно с Робертом. Ребята честно делали вид, что ужасно заняты бумагами, но на самом деле не могли не слышать нашего разговора, который не мог их не занимать.

Казалось бы, меня должно задеть негативное отношение некоторых коллег к моему любовнику. Однако в свое оправдание могу сказать, что никогда не обольщалась на его счет. Ну, может, только в самом начале наших отношений. Роберт был хорош в постели, и это я ценила больше всего. Для всего остального, как то: задушевных бесед за чаем, нежных слов, держания за руку и тому подобного — он никак не подходил. Я не могла поплакаться ему в жилетку, если мне было плохо или грустно, — для этого у меня есть Данька, всегда готовый прийти на помощь, выслушать и понять. Надеюсь, что это именно *мое* воспитание дает о себе знать, а не бабушкино и уж тем более не отцовское! Так что мои друзья-коллеги не боялись при мне ляпнуть лишнего, зная, что дальше меня это не распространится. Более того, я ни за что не стала бы делиться с Робертом услышанным, так как знала, как быстро он выходит из себя и каким брюзгой становится, когда задето его самолюбие. Если Роберта обошли с назначением и «подослали» чужака, наверняка к нему сегодня лучше не приближаться на пушечной выстрел!

Только я успела сунуть косметичку в сумку, как распахнулась дверь и на пороге с видом заговорщицы возникла Люда — та самая, с которой, как я подозреваю, мы в последнее время делим внимание Роберта. Я в

очередной раз восхитилась ее молодостью (где мои двадцать пять?) и женственностью. Не могу сказать, что Людочка до невозможности хороша собой. Любой человек при желании мог бы отыскать в ее внешности немало недостатков — от слишком длинной талии и, пожалуй, чересчур крепкого телосложения до тонюсеньких бровей, но она обладала тем чисто женским обаянием, которое сводило мужчин с ума в Семирамиде, Клеопатре или Жозефине. Скажем так, на моей стороне — внешность и образование, на ее — юность, потрясающая способность к флирту с каждым объектом, имеющим хотя бы один из органов чувств, и полное отсутствие интеллекта. Что же касается *опыта* — думаю, здесь мне у Людочки учиться и учиться!

Сразу за девушкой в проеме замаячила еще одна фигура, гораздо крупнее и выше. И тут у меня отвисла челюсть. Ну конечно — *зубы*. А также нос, губы, волосы, оставившие неизгладимый след в моей памяти после сегодняшнего происшествия по пути на работу. Ему невероятно шел белый медицинский халат. Правда, мечтательно подумала я, такому к лицу был бы и мешок из-под картошки.

— Здравствуйте, — сказал мой герой, бесстрашно вырвавший меня из скользких объятий льда всего полчаса назад. — Люда любезно подсказала, где вы все обретаетесь. Я — ваш новый заведующий отделением, Олег Валентинович Шилов.

— Здравствуйте, — почти хором, как загипнотизированные, ответили мы. Наверное, примерно так солдаты приветствуют генерала на параде.

— Мне бы хотелось познакомиться со всеми, — продолжал новый зав. — Тех, кто не присутствует на операции, назначенной на одиннадцать тридцать, попрошу пройти в конференц-зал.

Большинство присутствующих поднялись со своих мест. Я, Гоша и Паша Бойко, ординатор Роберта, остались сидеть. Шилов внимательно посмотрел на меня. Узнал ли? Сомнительно. Во всяком случае, никак этого не показал.

— Удачи, — улыбнулся он, слегка обнажив при этом свои замечательные зубы. И закрыл за собой дверь.

— Ну, что я говорил? — обернувшись ко мне, спросил Гоша.

Я кивнула.

— Отпад!

Операция и впрямь начиналась через двадцать минут, пора было готовиться. Я накинула халат, висевший в шкафу, хотя могла бы этого и не делать — все равно переодеваться вниз. Сегодня оперировалась старушка с переломом шейки бедра. Ей под восемьдесят, а в таком возрасте кости хрупкие, и любое падение чревато опасностью. Я общалась с ней три дня назад, выясняя, есть ли у нее аллергия на наркоз. Я всегда разговариваю с пациентами не только о предстоящей операции. Мне интересно узнать о них побольше, ведь обычно мы встречаемся только тогда, когда они лежат на столе и уже не способны на откровенные беседы. Не хочу, чтобы люди воспринимали меня только как часть опасности, связанной с операцией, поэтому мне доставляет определенное удовольствие знакомиться с ними заранее, хоть я и знаю, что больше мы не увидимся, так как работа анестезиолога начинается и заканчивается в операционной. У меня, разумеется, есть распечатка стандартных вопросов, которые необходимо задавать всем пациентам, но я редко ограничиваюсь только ими. Часто приходится успокаивать, убеждать, что все будет хорошо, ведь люди порой так нуждаются в сочувствии и понимании. Для многих важно, чтобы их страхи рассеял именно профессионал, человек, кото-

рый не просто похлопывает по плечу, но и знает, из чего это плечо состоит и как его, в случае чего, лечить. Я знаю, что для большинства хирургов пациент — не человек, а «материал» для работы. Именно поэтому, в отличие от других отделений, например, терапии или гинекологии, врачи из хирургии и травматологии так мало общаются с пациентами — они просто не знают, как это делается. Тяжело смотреть в глаза человеку, к которому впоследствии залезаешь внутрь со своими инструментами и роешься там, словно под капотом автомобиля! Кроме того, всех медиков учат с первого курса: нет «безопасных» операций, любая, даже самая легкая, может закончиться фатально. Я до сих пор помню рассказы наших преподавателей общей медицины о том, как пациенты гибли во время банального удаления гланд или зубов. Поэтому вопросы больных меня не раздражают, даже когда кажутся откровенно идиотскими — в конце концов, это не мне ложиться под нож, а идущий на такую экзекуцию имеет, по крайней мере, право знать, что его ожидает!

Так вот, старушка не отставала от меня до тех пор, пока я клятвенно не пообещала: анестезия будет не общей, а регионарной, что значительно снизит риск возникновения проблем с давлением и дыханием (как и большинство людей за семьдесят, она страдала гипертонией). Интересный факт: пациентку, казалось, не столько пугала операция, сколько интересовал сам процесс. Она задавала множество вопросов и удовлетворенно кивала, получая ответы. Большинство людей нервничали бы, а она — нет. Только поинтересовалась, что ей теперь светит, после перелома. Я честно сказала, что шансы срастания кости в этом месте в ее возрасте невелики, но даже в этом случае ей скорее всего до конца жизни придется ходить на костылях. Старушка явно расстроилась, хотя, думаю, она уже задавала

этот вопрос своему лечащему врачу и вряд ли могла получить другой ответ.

— Возможна еще операция по замене сустава, — заметила я. — Ваш доктор говорил вам об этом?

— Да, — кивнула старушка. — Но это слишком дорого. Откуда у меня, пенсионерки, такие деньжищи?

— Можно попробовать использовать социальную программу, — сказала я. На самом деле такие вещи, как «социальные» операции, действительно существуют, но рекламировать их не принято. Не то чтобы нам официально запрещали рассказывать пациентам о них, но кто-то там, наверху, считает: чем меньше человек знает о своих правах, тем лучше.

— Что за программа? — насторожилась старушка.

— Нужно обратиться в ваш местный собес, — сказала я. — Там вам все расскажут. Подробностей я не знаю, но, если у вас имеется инвалидность, то вы можете претендовать на бесплатную замену сустава и установку эндопротеза. Я слышала, что сейчас правительством выделены довольно большие деньги как раз для таких людей, как вы. У вас есть родственники?

— Дочка есть. И внуки, взрослые уже.

— Вот пусть и похлопочут. Наверное, процесс не такой уж и быстрый, но все в ваших руках. Безвыходных ситуаций не бывает.

Старушка благодарила меня долго и горячо. Это приятно. В сущности, нам требуется так мало, чтобы испытать прилив положительных эмоций...

* * *

По дороге домой я заскочила в «Север», чтобы порадовать Дэна. Он никогда не ест до моего прихода, за исключением тех случаев, когда у меня ночные дежур-